

Пересказывая сведения Стрыйковского о борьбе татар с войсками литовского князя Ольгерда, Лызлов пишет: «Того ради, лета от Христа 1333, — имать быти 1361: ибо Стрыйковский пишет, сего князя Олгерда имуща брань с великим князем Московским Дмитрием Ивановичем. лета 1332, его же государствование началось по известным Российским летописцам лета 6870, а от Рождества Христова 1362».³⁶

Из этой фразы видно, что при проверке текста Стрыйковского автор отдает предпочтение русским летописям.

Но А. И. Лызлов не только стремится установить даты и генеалогию князей и ханов. Он делает более существенные пояснения. Например, рассказывая о калейдоскопической смене ханов в Орде в конце XIV в., когда некоторые правители пребывали на троне всего 7 дней, он разрывает текст Стрыйковского и замечает в скобках: «ибо власти зле приобретенныя, недолго обыкоша пребывати».³⁷ Эта фраза дает возможность судить о политических воззрениях сторонника сильной царской власти, приобретенной не путем насилий и захватов, а полученной по наследству.

Приводя рассказ Стрыйковского о набегах Сеид-Ахмата (Сад-Ахмата) на Подолию и бегстве его от Эди-Гирея (Ходжи-Гирея) с 9 сыновьями и мурзами в Литву, Лызлов пишет: «...зде сумнительно... еже сие разумеется» — и приводит сведения из Степенной книги.³⁸ Иногда он сравнивает текст Стрыйковского не с одним, а с двумя и более источниками. Так, устанавливая дату гибели Ахмата в сражении с нагайским ханом Иваком при возвращении с Руси, он пишет, что Казанский летописец датирует это событие 1480 г., Степенная книга — также, а Стрыйковский, называя хана то Шахмат, то Ахмат, относит его к 1477 г., т. е. «треми леты токмо прежде летописцев Российских». Завершая свои хронологические изыскания, Лызлов делает следующий вывод: «Но или сие, или тако, обаче от сего времени прииде Орда в конечное запустение».³⁹

Приведенные примеры показывают, что Лызлов не только переписывал текст Хроники Стрыйковского, но пытался проводить сопоставление его с другими источниками, как польскими, так и русскими (Степенной книгой, хронографами, летописями и др.).

Довольно сложно установить взаимосвязь Хроники Стрыйковского и «Описания Сарматии Европейской» Александра Гваньини. Этот веронец, будучи ротмистром в армии Стефана Батория, по некоторым сведениям, присвоил рукопись Стрыйковского о Литве и Польше в Витебске и позже опубликовал часть ее в Кракове под своим именем.⁴⁰

Не берясь судить о взаимозависимости Хроники Стрыйковского, труда А. Гваньини и других польских хроник, заметим, что для А. И. Лызлова «Описание Сарматии Европейской» в некоторых частях (о венграх, о татарах) имело, по-видимому, самостоятельное значение.⁴¹ Более того, из «Скифской истории» явствует, что А. Гваньини расходится в описании ряда деталей со Стрыйковским, и это заставляет настороженно отнестись к обвинению первого в плагиате (возможно, это касалось отдельных глав о Литве). Известно, что М. Кроммер и М. Бельский широко пользовались рукописью Хроники кантора краковской кафедры Бернарда Ваповского.

³⁶ Лызлов, ч. I, стр. 52.

³⁷ Там же, стр. 51.

³⁸ Там же, стр. 68; Степень 15, гл. 2.

³⁹ Лызлов, ч. I, стр. 72.

⁴⁰ П. Броневский. О Стрыйковском и его хронике. — Финский вестник, т. 18, № 6. СПб., 1847, стр. 6.

⁴¹ Часто Лызлов подчеркивает разногласия этих хронистов. Например, в битве с ногами крымский хан потерял двоих царевичей, «Стрыйковский пишет внуки, а Гваньини дети его убиени быша» (Лызлов, ч. II, стр. 34).